

В ГРИМИРОВОЧНОЙ Дель Боске на оконной раме висит гитара. Эрнесто сказал: — Сам не играю, но хочу, чтобы научились дочери. Непременно научились.

И он кивнул через плечо. Там сидела младшая из девочек, Татьяна. Сидела, шила. На коленях у нее, как хлопья легкой белой пены, вздымались

полетчик, говорил ему: «Ищи свое. Ты испанец, сделай испанский номер». Легко сказать — сделай. Но где, например, взять испанцев, да еще таких, кто рискнул бы ни с того ни с сего довериться заманчивой, но своенравной судьбине циркового артиста?

Эрнесто отправился на поиски. Может быть, думал он,

легких размышлений он решил ехать на родину. Отца с матерью он не видел двадцать лет, и все это время не утихал обжигающий зов крови. Он никогда не забудет, как теплоход «Крым» причаливал в Валенсии, как слепил белый камень набережной. Пустой набережной, на которой не было встречающих — а приехало несколько сот человек, — зато повсюду темнели камзолы гвардейцев Франко. Миновали двое долгих суток изоляции, двое суток мучений, которыми Эрнесто должен был заплатить за право называться сыном своего отца. Эрнесто был в расцвете сил, он хотел работать. Он знал, что власти не встретят тех, кто вернулся, с распростертыми объятиями, но он рассчитывал, что Испания даст ему возможность спокойно встретиться с теми, кто когда-то дал ему жизнь.

• Цирк

ИСПАНКА ПО ИМЕНИ ТАТЬЯНА

кружевные оборки торжественной материнской юбки. Эрнесто сказал так серьезно, буд-то от того, научатся девочки играть на гитаре или нет, зависит по меньшей мере судьба всей его семьи и его собственная...

Только что я видел номер жонглеров на лошадях Дель Боске. Красивый номер, стремительный и зажигательный, как сама манера испанцев говорить, двигаться. Мы слышали полные потаенной страсти мелодии народных испанских танцев, по манежу шли грузные, мохлятые рысаки; в руках Эрнесто и Эльвиры мелькали кольца со стаканами воды на ободке, шляпы, которые они на ходу бросали друг другу через весь манеж, традиционные факелы жонглеров, пылающие в крошечной тьме. В коротком и стремительном эпизоде номера Тереза и Татьяна исполнили древний танец сапатиадо, выбивая его строгий ритм на маленькой танцевальной площадке, сделанной в виде черной испанской шляпы с розовой лентой.

Когда-то Эрнесто хотел стать воздушным гимнастом, но Сергей Дмитриевич Морозов, его педагог в цирковом училище, в прошлом известный гимнаст-

удастся отыскать таких среди его сверстников, тех, кого вместе с ним привезли в тридцать седьмом году из Испании, охваченной пожарами гражданской войны. В Москве он сел в электричку и поехал. Отдал этому недели, месяцы. Нашел людей, вместе с Морозовым сделали номер. Фернандес был раньше художником, Фонтурбе — авиационным техником, Алисия Пардовидондо — ткачихой. На манеже три веселых музыканта разыгрывали эксцентрическую серенаду под балконом прекрасной дамы...

Потом Эрнесто встретил свою прекрасную даму — уже всерьез и навсегда. И теперь надо было что-то придумать заново, уже вместе с Эльвирой, дочерью знаменитого жонглера на лошади Альфредо Фабри. Так возник тот номер, который Дель Боске показывают сейчас.

В гримировочной Эрнесто какой-то вроде бы совсем другой, чем был на манеже. Степенный, чуть заметно полнеющий; голос мягкий, глаза светлые. Только временами в его голосе начинает звучать тревожный набат памяти, а в глазах проходят тени былых страданий и страхов. В пятьдесят шестом году после не-

— Цирковой артист в Испании — никто. Это я быстро понял. В одиночку там мне было не пробыться. Я оказался у разбитого корыта, — говорит Эрнесто, глядя в окно, куда-то поверх тротуаров, крыш, деревьев. — Я вернулся в Россию.

Потому что понял — теперь она была родиной. В тяжелую военную годину она делилась с ним своим скудным хлебом. В ее земле, под Барнаулом, лежала сестра Эрнесто, веселая Росита, погибшая от брюшного тифа. Россия сделала его человеком, здесь родились дети Эрнесто, и младшей он дал русское имя Татьяна. Он знает, что здесь сумеет осуществить все, что задумал.

Эрнесто признался, что сейчас в Перми «не клеится». Это бывает, когда лошади в долгой дороге отвыкают от манежа. Но принимают так, что стыдно жаловаться и надо просто, засучив рукава, работать. По общему рисунку номер сделан, теперь Эрнесто рассчитывает мало-помалу уложить его в отдельных трюках.

— Старшая на репетиции пять колец выбрасывает, — сказал Эрнесто, прощаясь. Сказал с тем же самым значением, с каким вначале говорил про гитару...

Ю. НАДЕЖДИН.

14 АПР 1974

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕРМЬ
г. ПЕРМЬ